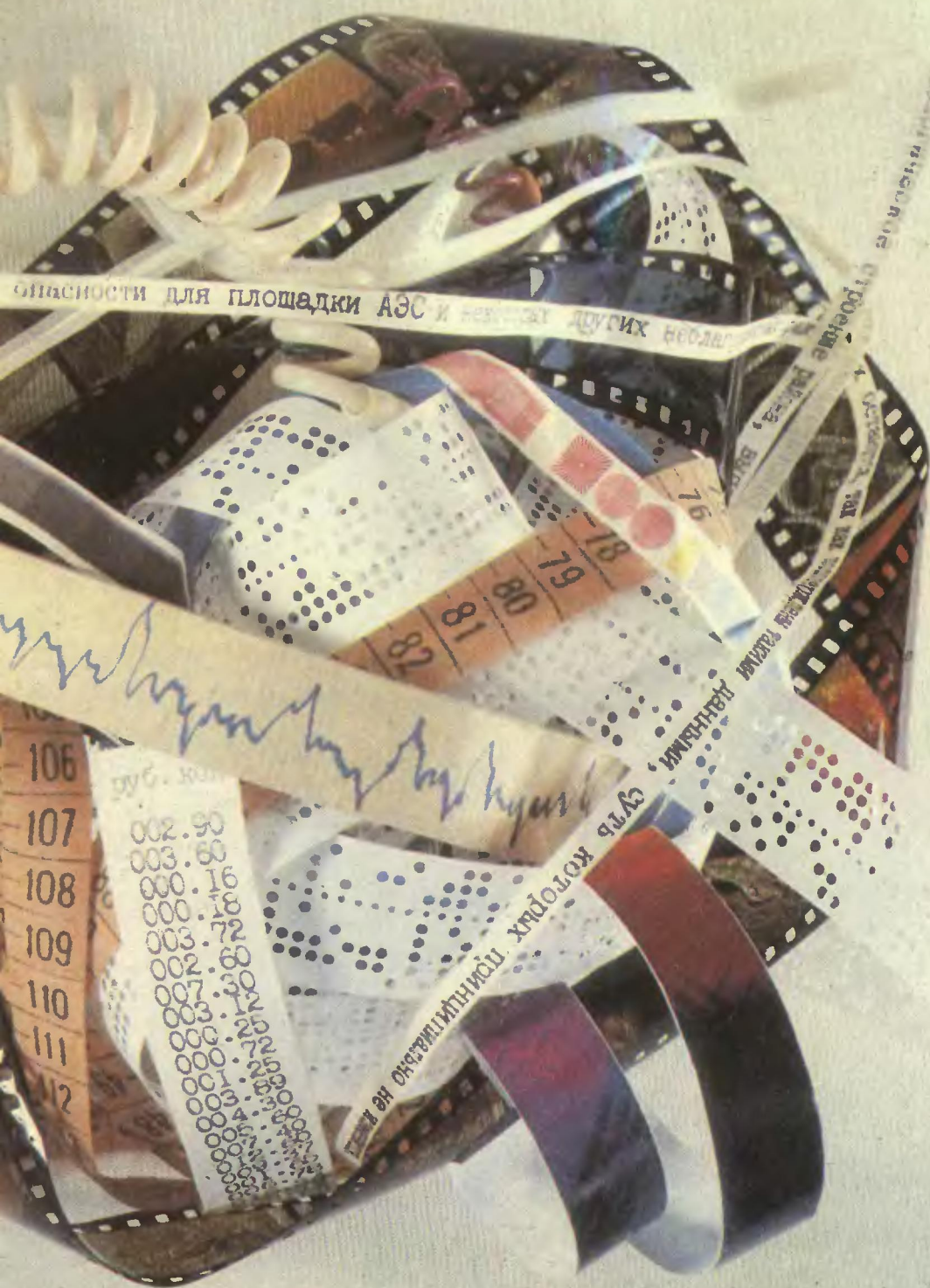

ЗНАНИЕ-СИЛА 9/89

**Знание —
сила 9/89**

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Орган ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 9(747)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Н. С. Филиппова

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
Г. Н. Агаянц
(главный художник)

Ю. Г. Вебер

А. П. Владиславлев

Б. В. Гнеденко

Г. А. Заварзин

Г. А. Зеленко
(зам. главного
редактора)

В. С. Зуев

Р. С. Карпинская

И. Л. Кнунянц

П. Н. Кропоткин

А. А. Леонович
(зав. отделом)

Н. Н. Моисеев

Р. Г. Подольный
(зав. отделом)

В. П. Смилга

К. В. Фролов

В. А. Царев

Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)

Н. В. Шебалин

Н. Я. Эйдельман

В. Л. Янин

В изображенном на нашей
обложке переплетении
различных носителей
информации, где каждый
из них так или иначе
касается содержания
этого номера, присут-
ствует и более глубокая
идея — о целостности,
о неразрывной связи язы-
ков и культур, с помощью
которых мы стремимся
постичь окружающий мир
и найти свое место в нем.

© «Знание — сила», 1989 г.

На первых страницах обложки композиция Э. Бажилина.

КОЖЕВНИЧЕСКАЯ, 19.

КЛУБ «ЗНАНИЕ — СИЛА»

Г. Иоффе, С. Ковалев, Э. Паин, И. Прусс
Алексеев, Ю. Бочаров, Ж. Зайнчковская

**Мы обсуждаем проблемы
сельского расселения.**

**За редакционным
«круглым столом»:**

АЛЕКСЕЕВ

Александр Иванович,

доктор географических наук;

БОЧАРОВ Юрий Петрович,

доктор архитектуры;

ЗАЙНЧКОВСКАЯ

Жанна Анатольевна,

кандидат географических наук;

ИОФФЕ Григорий Викторович,

кандидат географических наук;

КОВАЛЕВ

Сергей Александрович,

доктор географических наук;

ПРУСС Ирина Владимировна,

сотрудник редакции.

Ведет разговор

Эмиль Абрамович ПАИН,

кандидат исторических наук.

**В поисках
начала,
или
Кто виноват?**

Э. ПАИН: — Сельское рас-
селение в последнее время —
популярнейшая тема. Публи-
цисты и писатели вложили в
нее массу вполне оправданных
эмоций; пора высказаться и
ученым, тем более что именно
их порой стремятся сделать
«виноватыми» в уничтожении
множества мелких деревень.

А. Алексеев: — Поскольку эта кампания обрывается мифами прямо на наших глазах, я бы хотел начать со справки. Кампанию сейчас датируют шестидесятыми — семидесятыми годами. Это неверно. Идея агрогородов прозвучала, по крайней мере, еще в 1951 году в газете «Правда», где высказал ее Н. С. Хрущев. Он писал о том, что хорошо бы укрупнить колхозы, построить агрогорода, свезти туда крестьян, чтобы они могли и культурно жить, и работать по-современному. И тут же прозвучала отповедь этой идее — из уст Г. М. Маленкова, сказавшего на XIX съезде ВКП(б): «Некоторые руководящие работники (он не назвал Хрущева, хотя и имел его в виду) предлагают массовое селение деревень (внимание! вот когда уже было произнесено это слово), создание агрогородов как важнейшую задачу нашей аграрной политики. Это ошибка». Думаете, Маленков возражал из-за явной нереальности мероприятия? Или ему было жалко разрушать малые деревни? Нет, он просто считал, что деревня должна помнить о главной своей функции — кормить страну. Этим и надо заниматься, остальное — от лукавого.

Но идея удержалась, и в первой редакции Программы КПСС (1961 год) уже звучала вовсю. Ликвидировать отставание села от города, превратить деревню в город, в поселки городского типа! Эта концепция заняла умы на добрых два десятилетия, если не больше.

Г. Иоффе: — Извините, она много старше. О ней заговорили еще в 1922 году, в 1927 к ней подошли, так сказать, практически, и война только прервала эту традицию.

Но сама идеология идет из времен совсем давних. Можно вспомнить, например, утопию князя Щербатова. Он в 1785 году писал о необходимости свезти крестьян в крупные села для удобства управления ими. Поразительно, до какой степени его трактат прямо текстуально совпадает со многими высказываниями времен коллективизации. Там есть несколько клише, которые до сих пор живы в общественном сознании, например борьба злостных и добрых сил как основной двигатель истории. И отношение к концентрациям как к главной преобразующей, действенной силе.

А само селение, было ли оно? Концепция-то была, но мы ей льстим, возлагая на нее вину и за состояние сельскохозяйственного производства, и за трансформацию сельского расселения. Разговоры шли своим чередом, а жизнь — своим.

С. Ковалев: — Ну в конце тридцатых годов селение, безусловно, происходило, и многие мелкие деревни действительно исчезли под корень. Тогда все это было просто. Зимой сруб ставили на сани и перевозили на новое место. Оставалось только подвести фундамент и поставить печку. Села укрупнялись, это было на самом деле селение, хотя и в грубой, «приказной» форме.

Э. Панин: — Большая разница между ликвидацией деревень активной репрессивной политикой тридцатых годов и «селением» в застойные семидесятые. Эту новую политику точнее бы назвать «запретительством». Никто не предусматривал насильственного выселения жителей из малых сел, просто в тех, что объявлялись «неперспективными», было запрещено новое строительство.

Хотя, конечно, бульдозеры сносили живые

села и в семидесятые годы — особенно в районах строительства водохранилищ, газопроводов, стратегических дорог. Всякое бывало...

Г. Иоффе: — А когда мы за два часа езды от города в Ярославской и Вологодской областях спрашивали, нам отвечали: не было никакого сселения.

И. Прусс: — Но позвольте, а цифры? Множество мелких деревень действительно исчезло за это время.

А. Алексеев: — К сожалению, обобщенно охарактеризовать ход этой кампании очень сложно: учета никакого не велось, да это и очень трудно было бы сделать, а специальные исследования не проводилось. Говорить же, что все исчезнувшие села были сметены именно «селением», несерьезно: сокращение числа сельских поселений — неотъемлемая составная часть процессов индустриализации и урбанизации, — а следовательно, и сокращения численности сельского населения — во всех развитых странах.

Какие, собственно, реальные следствия имело отнесение населенного пункта к числу «неперспективного»? Теоретически, с точки зрения проекта районной планировки, в обычной жизни данного села ничего и не должно было сразу меняться. Ни один из проектов не предусматривал немедленного закрытия школы, магазина, амбулатории, отмены автобусного сообщения, энергоснабжения и всего остального, что необходимо для нормальной жизни села. Речь шла (в проектах) лишь о том, чтобы не строить новые жилые и общественные здания в «неперспективном» селе; более того, как неоднократно говорили представители Госгражданстроя, если где-либо здание остро необходимо, его можно построить с разрешения райисполкома.

Но можно, видимо, говорить о том, что, назвав село «неперспективным», мы тем самым резко меняли отношение к нему как у местных руководителей, так и у самих жителей.

В условиях административно-командного управления от местного руководства зависело довольно многое. Прежде всего в работе сферы обслуживания. Каждое из ведомств — Минпрос, Минздрав, Минкультуры и т. д., — исходя из своих интересов, естественно, старалось сконцентрировать силы (учителей, врачей, материально-техническое оснащение) в немногих точках и по возможности ликвидировать мелкие, «убыточные» — для ведомств! — учреждения. Местные власти, чувствуя потребности людей, в какой-то степени сдерживали эти поползновения. Однако, когда «вверх» точка зрения изменилась, это сопротивление во многих местах (но не во всех!) ослабло, и ведомства смогли добиться закрытия множества учреждений обслуживания. Например, число дневных общеобразовательных школ в сельской местности РСФСР сократилось за 25 лет вдвое — с 99 тысяч в 1960 году до 49 тысяч в 1985 (конечно, это в значительной степени было связано с уменьшением числа детей в селах, но большую роль сыграла и «нелюбовь» Минпроса к малым школам). Меньшее по масштабам, но также значительное сокращение коснулось фельдшерских пунктов, магазинов, клубов, отделений связи.

Несомненно, кампания «селения» резко ухудшила психологический климат в «неперспективных» селах. По выражению В. Р. Бе-